

лит. газ. — 1995. — 19 апр. — с. 3.

Фото Владимира БОГДАНОВА

Тридцать лет назад, так и не дождав- шись Нобелевской премии, Анна Ахматова отправилась в утешительную поездку на Сицилию за премией Этна-Таормина. И если мы слышали об этой премии, то лишь благодаря Ахматовой.

Благодаря Александру Солженицыну на прошлой неделе заговорили о другой сицилийской награде — премии Бранка- ти. Нобелевский лауреат согласился принять ее, но только в Москве. Не то чтобы он из Москвы ни на шаг. День По- беды, например, Александр Исаевич планирует провести не в Москве, а в Ор- ле, потому что он участвовал в Орлов- ской битве и брал Орел.

Но ни на Капри, ни на Сицилию пока не собирается.

Благодарные сицилийцы не отсту- пились. Прилетели в Москву, сняли Мо- розовский зал в "Метрополе", в плотном кольце теле- и фоторепортеров извлек- ли из плоского чемоданчика стеклянную пластину с накладным силуэтом своего острова и радостно одарили ею очеред- ного избранника.

Церемония поневоле затянулась из- за безнадежных попыток найти для Сол- женицына исчерпывающее определение. Уже под занавес известный итальянский славист Витторио Страда откровенно заметил, что в присуждении премии Александру Солженицыну все-таки боль- ше чести для премии, чем для ее нынеш- него лауреата. Ведь Солженицын, про-

Солженицын, какой он есть

Итальянская премия - русскому писателю

должал он, не просто пи- сатель, это образ самой России, который связы- вает ее прошлое, ее на- стоящее и ее будущее.

Следом, срывая го- лос, заговорил министр культуры Евгений Сидо- ров:

— Солженицын — это не просто литературное явление. Солженицын — это уже исторический миф, это Россия, какой она должна быть.

Закинув ногу на ногу, Александр Исаевич муж- жественно всё выслушал.

Выслушал вдвоем с Ната- льей Дмитриевной, сидевшей обок, — и дважды: по-итальянски и по-русски. Вы- слушал и, надеюсь, забыл. По крайней мере в ответном слове он меньше всего говорил о себе. А говорил о горизонтах общечеловеческой культуры, о жадном стремлении разных литератур к взаимо- пониманию и, наконец, сформулировал одну из самых насущных творческих проблем: как совместить высокий худо- жественный уровень произведения и его массовую доступность?

— Легко было художникам, писате- лям XVI, XVII, XVIII веков: им хватало одобрения двух-трех высоких цените- лей. Но уже со середины XIX века лите- ратура разливается по большим мас-

сам читателей. А подъем цивилиза- ции, то есть обработки внешней сре- ды, неизбежно сопровождается паде- нием культуры, то есть обработки внутренней, душевной среды челове- ка. В XX веке равно снижали культуру и социалистическое насилие, и запад- ный принцип купли и продажи. Если мы здесь задохнулись от цензуры и от преследований власти, то на Западе писатель не может отмахнуться от то- го, что издатель ему говорит: это не будет иметь спроса, это не пойдет.

Но задача остается, и я верю, что она разрешима, эта задача, — совме- стить самый высокий художественный уровень и действительно массовую доступность произведения. Правда, нечего надеяться, что достаточно соз- дать, как сейчас делают, новые тече- ния, ошеломительно новые приемы, отрезать все старое, — и тогда возник- нет что-нибудь необыкновенное. Нет, это путь ложный, потому что здоро- вое развитие культуры состоит в раз- умном равновесии между оглядчи- вым консерватизмом и свободными поисками нового. И основное усло- вие, которое может нам обеспечить решение задачи, — это ответствен- ность писателя перед самим собой, перед своими читателями и перед Бо- гом.

...А вы предпочли бы поездку в Орел прогулке на Сицилию?

В.РАДЗИШЕВСКИЙ